

§ 2. Специфика образа героя исторического романа

Отличаются ли принципы создания образа героя исторического романа от принципов создания образа в романе не историческом?

Рассмотрим, пока чисто теоретически, именно те аспекты образа героя исторического романа, которые, на наш взгляд, отличают его от действующих лиц других видов романа.

Во-первых, новым содержанием наполняется мысль М. Бахтина о вечно актуальном качестве образа в романе, вследствие открытости, незавершенности самого романного жанра. «В структуре художественного образа это приводит к коренным изменениям – указывает М. Бахтин. – Образ приобретает специфическую актуальность. Он получает отношение – в той или иной форме и степени – к продолжающемуся и сейчас событию жизни, к которому и мы – автор и читатели – существенно причастны. Этим и создается радикально новая зона построения образов в романе, зона максимально близкого контакта предмета изображения с настоящим в его незавершенности, а следовательно, и с будущим»¹. Но ведь историческому роману изначально присуща временная раздвоенность, связь между сферой изображения и сферой восприятия, материалом и его авторским осмыслением, что подметил еще Гегель, говоривший о том, что исторический роман дихотомен – общечеловеческое содержание сопрягается в нем с историческим материалом как его внешней формой. Одно из свойств жанрового хронотопа исторического романа и состоит в том, что история и современность вступают в нем в прямой контакт друг с другом. Все это способствует «открытости настоящему», углублению образа в историческом романе за счет наполнения его актуальным содержанием той эпохи, в которой роман создан и читается, что и показано в работе на примере анализа образов многочисленных исторических героев американского исторического романа XX века. У каждой эпохи – свой Вашингтон, Джефферсон, Линкольн. Впрочем, сказанное распространяется и на вымышленных героев исторического романа, которые не в меньшей степени являются носителями, проводниками авторской концепции истории.

Новое значение приобретает и тезис Бахтина о том, что одной из основных внутренних тем романа является тема неадекватности герою его судьбы, и его положения, в рамках которой человек или больше своей судьбы, или меньше своей человечности; он до конца невоплотим в существующую социально-историческую плоть. Сама романная действительность, по Бахтину, – одна из возможных действительностей, она не необходима, случайна, несет в себе иные возможности. Но ведь действительность исторического романа уже состоялась, у нее уже нет и не может быть альтернативных вариантов. Бут в историческом романе просто обязан убить Линкольна, а Линкольна никак не избежать развязывания Гражданской войны. И эта несвобода героя в историческом романе, обреченность его совершать те или иные поступки согласно уже состоявшемуся историческому сценарию, во-первых, обуславливает особое качество трагического в историческом романе, особую степень трагического разлада героя с миром ли (чаще всего), с самим ли собой, вызванного причинами социально-историческими, особым набором и совпадением исторических обстоятельств, значительно сужающих реальные возможности свободного выбора героя. Степень социально-исторической детерминированности образа героя в историческом романе большая, чем в романе, фабула которого не связана конкретными историческими событиями. Неадекватность герою его судьбы и его положения в историческом романе проявляется резко, сильнее, потому что противостоят герою обычно уже не только определенные социальные установки, но – История.

И, наконец, по-новому воспринимается в историческом романе положение теории М. Бахтина о том, что человек приобретает в романе идеологическую и языковую инициативность. «Идеологическая инициативность» образа в историческом романе связана со стремлением автора воплотить в произведении свою концепцию, свою философию истории, используя для этого и его художественные образы, которые, как известно, содержат в себе обобщенную правду, и авторское отношение. Языковая же инициативность образа в американском историческом романе реализуется в первую очередь через разнообразие региональных типов, представленных в нем, вследствие чего американские исторические романы зачастую являют собой сложную лингвистическую картину сосуществования различных специфических диалектов, говоров, наречий: негритянского, индейского, ирландского, немецкого, южного, янки, датского и многих других. Кроме того, вторым моментом реализации языковой инициативности образа является стилизация речи героев и языка романа, приведение его в соответствие с языком описываемой эпохи. И, конечно же, в историческом романе сохраняются и реализуются все те функции языка художественной прозы, благодаря которым осуществляется высший тип индивидуализации образа.

Принципы создания художественного образа, создания человеческого характера в литературе определяются, как известно, творческим методом автора. Американский исторический роман

¹ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: «Художественная литература», 1975. – С. 473.

рассматриваемого периода, несмотря на расцвет и сосуществование в литературе США в это же время различных литературных направлений и школ, носящих как реалистический, так и модернистский и постмодернистский характер, словно подчеркнуто реалистичен. Анализируя в 50-е годы американский исторический роман, Эрнест Лейси отмечает, что его не затронули эксперименты с формой. «Изначально традиционный и романтический жанр, исторический роман в последнее время в значительной мере утратил свои романтические черты и твердо следует канонам реализма в психологии и социальном анализе. Взяв на вооружение реалистический метод, он сумел преодолеть театральное костюмирование, фальшивые мотивировки, слишком подробное описательство, перегруженность сюжета и неуклюжий, архаичный стиль, господствовавшие в нем на рубеже веков»². А другие исследователи, О. Коэн и Р. Лиллард, оценивая в те же 50-е американский исторический роман на протяжении столетия, также отмечают, что «до недавнего времени отношение к предмету изображения было героическим и романтическим. Но последняя тенденция (с 20-х годов – *Т. К.*) состоит в повороте к реалистическому изображению действительности, что проявилось в произведениях Джеймса Бойда, Говарда Фаста и Кеннета Робертса, книги которых явились результатом критического исторического поиска»³.

Как известно, реалистический метод в литературе предполагает прежде всего историзм в изображении человеческих характеров. Это положение, бесспорное для любого реалистического произведения, приобретает особую остроту, когда речь идет о произведении исторического жанра, которое без соблюдения этого правила просто не может состояться как произведение историческое. Неслучайно развитие и укрепление основы реалистического метода – принципа историзма совпадает с зарождением исторического жанра в реалистической литературе.

Второй неперменной чертой реалистического метода (в изображении характера) является социально-исторический детерминизм в изображении характера. Важнейшая особенность исторического подхода к проблеме характера заключается в исследовании его в «обстоятельствах», которые, по словам Энгельса, «окружают» героев и «заставляют их действовать»⁴. Таким образом, проблема изображения характера в историческом романе – это проблема художественного претворения исторической концепции человека, понятого и изображенного в контексте общественных обстоятельств его эпохи.

Художественный характер – самая емкая категория из всех определяющих образ человека в литературе. Б. Сучков подчеркивал, что характер героя – это его внутренний психологический мир, совокупность индивидуальных свойств его личности⁵, а С. Бочаров, наиболее глубоко, на наш взгляд, разработавший эту проблему в теоретическом плане, считает, что художественный вымысел, участвующий в создании характера, «выводит» литературный образ человека из «личности исторической» (как прообраза, «развитого данной эпохой типа человеческой личности»⁶), и что, таким образом, художественный характер включает и черты «исторического человека» изображаемой эпохи, и особенности авторской манеры раскрытия образа. Категория характера представляет личность человека в ее внутреннем единстве, сложившемся под влиянием многих факторов, под постоянным воздействием среды в виде конкретно-исторических обстоятельств, в которых живет и действует личность.

Художественные характеры, созданные авторами лучших американских исторических романов, наделены обоими неотъемлемыми качествами реалистического метода: историзмом в изображении личности и обоснованностью мотивировки характера. Исключение составляют характеры героев философского исторического романа и массовой литературы, по причинам, о которых речь пойдет ниже.

Н. Воробьева совершенно справедливо отмечает, что убедительность мотивировки характера тесно связана с глубиной собственного исторического взгляда на эпоху и человека (в их взаимосвязанности), с уровнем историзма художественного мышления⁷.

Широко известный критерий мотивировки характера, выдвинутый Марксом, имеющего не «абстрактно-рассудочную», а «конкретно-чувственную», жизненную правду, преломляется в историческом романе в том плане, что характер развивается уже не по прихоти автора, не как абстрактное воплощение тех или иных моральных свойств личности, а в силу воздействия обстоятельств и логики внутреннего саморазвития, с учетом понимания характера в параметрах эпохи, постижения его места и возможностей при определенной расстановке движущих социальных сил. Герои исторического реалистического романа проявляют себя как исторические характеры, будучи прочно вписаны в окружающую действительность, социальные, общественно-политические, идеологические и бытовые обстоятельства времени. Подобный принцип изображения, делающий акцент на верности воспроизведения в сюжете и психологии (мотивах поведения) духовного облика человека определенной эпохи, является реализацией принципа реализма в историческом романе.

Итак, следующая проблема, встающая перед автором исторического романа при создании характеров, – это проблема воссоздания психологического и эмоционального типа человека соответствующей эпохи.

² Leisy E. The American Historical Novel. – P. 215–216.

³ Coan O., Lillard R. America in Fiction. – Stanford, 1945.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 37. – С. 35.

⁵ Сучков Б. Исторические судьбы реализма. – М., 1973.

⁶ Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер. – М., 1962.

⁷ Воробьева Н. Н. Принцип историзма в изображении характера. – М., 1978.

Осмысливая художественную задачу исторического романиста в свете проблем психологии художественного творчества, Г. Баттерфилд настаивает на том, что «для него важнее дышать воздухом ушедшей эпохи, сделать свою книгу отражением ее мыслей, идей, уловить чувства, которыми жили люди, и все ее изменения, чем с протокольной точностью описывать события, придерживаясь крупных политических происшествий. Самое главное для него – уловить эпоху как синтез, воссоздать ее мировосприятие, ее отношение к жизни, ее специфический жизненный опыт, а не рассказывать об имевших место событиях... Он должен поймать «мелодию» прошлого»⁸.

Романист может воссоздать людей прошлого, считает Баттерфилд, если он «принимает сам то, что предопределяло их мышление», если будет стараться воспринимать жизнь, как они, проникнется их мироощущением. Он должен вжиться в прошлое, сделать его «страной своего сознания». Но тут встает вопрос о соизбранности исторического романиста и эпохи, места, которые он избирает. Исторический роман, выполненный на достаточно высоком художественном уровне, невозможен без подобной соизбранности автора и исторического героя – что-то в его жизни и борьбе должно быть близко автору, пережито им самим. Это авторское сопереживание героям будет, по мысли Баттерфилда, обогащать его интерпретацию истории.

Против роковой ошибки наделения персонажей современной психологией и современными понятиями, которую может совершить исторический романист, предупреждает и Хелен Кэм. «Не только его (писателя – **Т. К.**) факты и мелкие детали должны совпадать с результатами научных исследований, но и вся атмосфера, взаимоотношения и понятия общества, о котором он пишет, должны соответствовать тому, что известно об интеллектуальном и эмоциональном климате места и эпохи»⁹. Еще резче по этой проблеме высказался Бен Эймс Уильямс: «Нет никакой необходимости читать о том, что героиня путешествовала дилижансом, или ездил на велосипеде, или вела машину, или села в самолет; эмоциональные реакции и нравственные установки могут датировать роман так же точно, как кринолины или панталоны, шпаги или пистолеты...»¹⁰.

При создании характеров перед историческим романистом стоит сложнейшая задача: он должен добиться сосуществования в романе двух мировоззрений, должен избежать модернизации своего героя, но, изобразив его человеком другой, часто далекой эпохи, должен измерить его жизненный путь и человеческую сущность критериями эпохи, в которую живет сам. Очевидно, удача возможна здесь только в том случае, если романист, осознанно или неосознанно, оценивает своих персонажей «не по тому, чего не делали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками»¹¹, если значение личности героя рассматривается с точки зрения того, насколько она выразила главные тенденции своей эпохи. Двойная природа художественного образа, содержащего «обобщенную правду», являющуюся в историческом романе выразителем мировоззрения изображаемой эпохи, и авторское отношение, отражающее мировоззрение эпохи написания романа, и определяет жанровый хронотоп произведения на уровне характеров, способствует полифонизму исторического романа, в котором «правда» героя и «правда» автора звучат независимо друг от друга на протяжении всего произведения, сливаясь в высшем художественном единстве романа.

⁸ Butterfield H. Op. cit. – P. 96.

⁹ Cam H. Historical Novels. – P. 8.

¹⁰ Williams B. A. Op. cit. – P. 8.

¹¹ Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма. Полн. собр. соч. Т. 2. – С. 178.